

researches in creation of complete and original concept of Russian phraseology and Russian phraseological worldview. The ludic function of phraseological unit as a representation of depth of its semantic potential is analyzed in the article.

Key words: phraseological unit, phraseoconcept, phraseological worldview, ludic function, conceptual and national dominant, cognitive and discursive language unit.

АНТРОПОМОРФИЗАЦИЯ ОБРАЗА СУДЬБЫ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

С.А. Кошарная

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
kosharnaja@bsu.edu.ru

Номинанта *судьба* – от *суд* – восходит к и.-е. **somdhe*– (ср.: др.-инд. *samdhis*, *samdha* – «договор, связь, объединение»), от которого образованы также др.-рус. *судъ* – «сосуд» (аналоги – в украинском, белорусском), польск. *śąd* – «бочка, чан» (параллели имеются в чешском, словацком и других славянских языках) (Фасмер III: 794). Межъязыковые соответствия выявляют общую архетипическую сему «хранилище». Исходя из принципа производности абстрактного значения из конкретного («сосуд», «бочка»), можно гипотетически реконструировать протозначение лексемы *судьба* (с синонимическим рядом *участь*, *доля* – «то, чем наделен», ср. ст.-чеш. *dole*, *s dole* – «счастливо, успешно», польск. *dola* – «судьба, удел, доля, часть») как «сосуд жизни», вместилище уготованных человеку событий. В результате на метафорическом уровне устанавливается связь понятий «душа» – «судьба» – «сосуд».

В то же время русском языке яркой чертой лексики, входящей в семантическую группу «Посуда», является ее антропоморфизм: *носик чайника*, *ручка чашки*, *горлышко кувшина (горшка)* и т.д. При этом современная метафорика лишь продолжает архаичную мифологическую традицию. Таким образом, язык в силу своего консерватизма хранит следы прошлого, включая самые архаичные элементы. И такие «следы» свидетельствуют о том, что судьба может быть олицетворена как высшая – надчеловеческая – стихийная сила. Так, у восточных славян-язычников было известно божество под именем *Суд (Усуд)*, управляющее судьбой человека. *Суд* определял, «чертил» линию судьбы (ср.: *предначертанный* – «вперед, заранее начерченный» > «уготованный, неизбежный»). Возможно, к этому теониму восходит севернорусское диалектное существительное *судки (сутки)* со значением «божница, угол, в котором висят иконы». Думается, что мифоконцепт «Суд» актуализировал в сознании носителей мифологического сознания образ существа, предписывающего человеку *линию* судьбы, мифологически связанной с концептом «Вода» и возникшей как «проекционное отражение» *русла*, поскольку образ *русла* включает представление о заданном направлении.

В один семантический ряд словом *судьба* входит существительное *рок*, восходящее к праславянскому **rokъ* – «срок» и развившее в разных славянских языках значения «судьба» (рус.), «год» (укр.), «срок, рок, предзнаменование» (словен.) и т.п. Еще в древнерусском данное существительное проявляло полисемию: «срок, год, возраст, правило, судьба». Все эти значения оказываются соотносимыми с понятийным комплексом «Жизнь человека», «Время жизни», и могут быть репрезентированы через концепт «Судьба». В то же время *судьба*, *рок* – это некое предписание, непреодолимое и неизменное. Такое осмысление судьбы, по мнению А. Вежбицкой, характерно русскому человеку, чем объясняется его пассивность перед внешними факторами (Вежбицкая 1996: 397); ср. также *случай* – от исчезнувшего *лукый* – «назначенный судьбой» (Шанский 1971: 416, 249), поскольку, согласно мифологическим воззрениям, *судьба* определяется «извне».

Подытоживая данные рассуждения, можно заключить, что антропоморфизация образа судьбы во многом обусловила особенности современного концепта «Судьба» (подробный анализ современного концепта «Судьба» – в работах А. Вежбицкой, Н.Д. Арутюновой, Ю.С. Степанова, Т.В. Топоровой и др.), включающего представление о высших силах (провидение), управляющих судьбой; предопределенность судьбы (линия судьбы); частотность отрицательной коннотации (*злой рок* при недопустимости сочетания *добрый рок*), проистекающей из предопределенности, неизбежности событий, изменить ход которых может также только нечто внешнее, не зависящее от человека (ср. *ненароком*, *ненарочно*, то есть не по воле рока, но и не по воле человека), и в то же время обязательности наличия у человека судьбы (ср. практически тождественные *не осудите* и *не обессудьте*, где последнее прямо репрезентирует опасение остаться без *суда* в исходном значении «судьба»), невозможности субъективного влияния на их ход (*от судьбы не уйдешь*), финитности судьбы; связь со временем (ср.: *рок* и *срок* как отрезок между началом и концом).

В то же время универсальность использования воды в качестве атрибута гаданий о судьбе актуализирует понятийную связь образа с ведовством (ср.: *волхвы* – древнерусские языческие жрецы, предсказатели, способные предсказывать судьбу, – и новгородский гидроним *Волхов*).

Ведовство – это не просто знание, но сверхъестественное знание, которое может быть получено только из «иного мира», откуда *ведьма*, *ведьмак* – тот, кто приобрел это знание посредством магических действий, в результате чего он одновременно связан с двумя мирами – миром живых и миром мертвых, который соотносился прежде всего с водой.

Подытоживая наши предварительные рассуждения, можно заключить, что мифологическое сознание связывало объективные свойства воды с присутствием сверхъестественных сил и с возможностью контактов с этими силами в целях получения знаний о будущем, что обусловило возникновение концептуальной взаимосвязи «Вода» –

«Судьба / Рок», «Русло» – «Судьба» и «Вода» – «Знание» и в конечном итоге – «Судьба» – «Существо».

Данный смысл находит отражение в устойчивых сочетаниях с ключевым компонентом *судьба*. И здесь встаёт вопрос о характере возникающего в результате такого наложения образов концепта: возможно ли считать в данном случае концепт «Судьба», вербализуемый соответствующей номинацией, тождественным концепту, репрезентантами которых служат фразеологизмы, эксплицирующие антропоморфный образ судьбы. По-видимому, здесь следует исходить из положения Н.Ф. Алефиренко о так называемых «культурных фреймах», которые объединяют в одном общем представлении и устойчивые сочетания слов, и мифологемы, и ритуалы (Алефиренко 2011: 17).

Так, в контексте мифологической картины мира возникают «аналитические по форме, но семантически целостные и синтаксически неделимые языковые знаки, которые своим возникновением и функционированием обязаны комбинаторному взаимодействию смыслов лексических и грамматических компонентов» (Алефиренко, Золотых 2004: 14).

Сумма концептов «Судьба» + «Человек» (или «Антропоморфное существо») оказывается в итоге больше, нежели её отдельные составляющие. Это синергетический процесс, в ходе которого образуется новая сущность, которая оказывается больше своих непосредственных составляющих. Возникает новый образ со своими характерными качествами и атрибутами: судьба – женский образ (данный факт закрепляется на уровне грамматики); судьба сильна, сильнее человека; судьба обладает знаниями обо всем, психическими свойствами: *капризная, мстительная, обидчивая, благосклонная, терпеливая, радостная* и т.д., выполняет определенные функции: вредит, помогает, наказывает, спасает: *судьба губит, разрушает, ломает, разлучает, сводит, соединяет*.

Согласно фольклорным текстам, судьба проявляет себя как активное, живое, персонифицированное существо: *судьба владеет, управляет и распоряжается человеком: Связала нас судьба одной веревочкой, Судьба руки свяжет, Судьба меня к нему посылает, Видно, меня сюда судьбой пригнало, Тебя сама судьба мне вручила*. Господство судьбы нередко носит агрессивный, разрушительный характер; сила судьбы выступает, прежде всего, как насилие, воля – как своеволие, а власть является стихийной, или неразумной (ср.: *Не судьба, Судьба свела / не свела*).

Во фразеологических сочетаниях *судьба* как олицетворенная высшая сила предстает в двух ипостасях: это судьба как внешняя, надчеловеческая, сила и как властитель, своевольный и капризный; ср.: *Быть игрушкой в руках судьбы, Бросить все на произвол судьбы*; *судьба разлучает, гонит, наказывает: Смеяться в глаза судьбе, Бороться с судьбой* и т.п. При этом действия, осуществляемые субъек-

том *судьба*, являются действиями самостоятельными: *судьба решает, наказывает, казнит, судит, выбирает, готовит; судьбой предназначено / предсказано / предначертано / уготовано* и т.п. ФЕ *Приговор судьбы* отражает необратимые последствия действий судьбы как власти.

Данные представления сближают концепты «Судьба» и «Бог». Так, само теофорное имя *Усуд (Суд)* представляет собой наименование одной из древнейших персонификаций, что позволяет говорить об определенных пересечениях концептов «Судьба» и «Бог».

Как известно, существительное *бог* в ретроспекции не номинирует абстрактное понятие, а является признаковым, характеризующим именем, которое по происхождению является кратким прилагательным (возможно предположить табуированное наименование). Известная поговорка «На тебе, *боже*, что нам негоже» в своей исходной форме – «На тебе, *небоже* («*нищий*»), что нам негоже» выявляет для имени *бог* исходное значение 'богатый'. Типологически сходное наименование имеем в латинском: *deus*, родств. и.-е. **duo* – «два» (Маковский 1989: 27), что позволяет реконструировать индоевропейское протозначение «разделяющий» > «наделяющий». Возможно, слово *бог* у славян сначала являлось эпитетом при имени языческого бога (например, в ПВЛ под годом 6488 упоминается *Дажьдь-богъ*). Славянское **bogъ* соотносится с авестийскими *baxta* – «определение судьбы», *baxs* – «делить, получать свою часть». По-видимому, более древним значением слова *бог* было «тот, кто распределяет судьбу» или «наделяющий богатством» (Маковский 1989: 39; Одинцов 1988: 27 и др.), ср.: *участь* (*участь*) – «то, что суждено, дано от рождения, доля», *счастье* (*счастье-е*) – буквально «хорошая часть, доля» (ср.: *недоля* – «несчастливая судьба»). *Доля* – восточнославянская персонификация судьбы, участи; ср. также новг. *жреб* – «часть, кусок чего-л.», родственное литературному *жребий*.

Следовательно, концепт «Бог» функционально соотносился с концептом «Дар» и концептуальными оппозициями «Счастье» – «Горе», «Добрый» – «Злой», «Хороший» – «Плохой», «Богатство» – «Бедность», посредством чего устанавливались причинно-следственные отношения между концептами «Бог» и «Судьба» (с точки зрения изоморфизма концептуальные поля «Бог» и «Судьба» анализируются в работе О.Ю. Печенкиной, 2001 г.).

Между тем мы также можем говорить о наличии аналогичных отношений в диаде «Род» – «Судьба» (ср.: *На роду написано* – «то, что суждено»). При этом в имени *Рода* мы видим то же наименование по функции. Являясь отглагольным существительным (*родить* > *Род*), данное имя собственное (оно не изменяется по числам, в отличие от рожаниц), вероятно, представляет собой табуированное (как и лексема *Бог*) название божества, обеспечивающего плодородие и неизбежность рода, и – как следствие – определяющего его движение из про-

шлого в будущее, то есть прочерчивающего линию судьбы. Здесь также следует упомянуть, что «деревянные идолы восточных славян, судя по описаниям, – столбы, наверху которых изображалась *человеческая голова*» (Седов 1982: 263).

При этом заслуживает внимания, что древнее мужское божество Усуд (грамматика в данном случае оказывается культурологически значимой и отражает патриархальные установки славянской культуры) трансформируется в персонаж женского пола. С одной стороны, суффикс *-ьб-* (*судьба*) образует абстрактные существительные (ср.: *дружба*, *ворожба*), с другой – данный персонаж известен в восточнославянском ареале под именем собственным именно женского рода – *Макошь* (*Мокошь*). По версии Б.А. Рыбакова, *Макошь* – сложное образование, состоящее из *Ма-* «мать» и *кошь* «удел, судьба, доля». Элемент *кошь* представлен в древнерусском языке двумя словами: *кошь* – «жребий» и *къшь* – «корзина» (ср.: *кошель*). По Б.А. Рыбакову, это одно и то же слово на разных этапах развития языка и значения: «корзина» > «доля» (добычи или урожая) > «доля-судьба». Следовательно, *Макошь* в исходном значении могло означать «мать хорошего урожая» (См.: Рыбаков 1981: 384-392). С элементом *кошь* в значении «жребий, судьба» и соотносит Ю.С. Степанов имя *Кощей*, полагая, что в последнем объединились три разных слова со значениями «костосей», «пленник» и «распорядитель судьбы», и устанавливая концептуальную связь между значениями «костосей» и «распорядитель судьбы» (Степанов 1997: 86-87).

По-видимому, трансформация образа из мужского в женский имела свои когнитивные основания: женский характер образа судьбы в патриархально ориентированной культуре славян ассоциативно перекликается с представлением о разрушающем женском начале, о хаосе, свойственном судьбе как стихийной силе. Следовательно, возможно говорить о некоей «сниженности» образа по сравнению с направляющим разумным началом, божеством (мужская персоналия: *Усуд*, *Род*, *Бог*): судьба – как женское существо с характерными для женщины (по мнению носителей архаичного языкового сознания) спонтанными проявлениями: *переменчивая судьба*. В этой связи лексем *судьба* и *рок* не являются синонимами-дублетами. Рок в отличие от судьбы постоянен, что объективируется, в частности, неконгруэнтностью эпитетов: *трудная судьба* – *легкая судьба* (при невозможности сочетания *легкий рок*), *добрая судьба* – *злая судьба* (но только *злой рок*). Нетождественность образов находит отражение и во фразеологии: *Баловень судьбы*, *Ирония судьбы*, *Искушать судьбу*, *Пытать судьбу*, *Превратности судьбы* и т.д., где замена слова *судьба* лексемой *рок* невозможна. Русские пословицы, в которых рок и судьба представлены как антропоморфные персоналии, показывают судьбу судьей (*Судьба рассудит*; *Судила судьба киселем заговеться*), а рок –

палачом (*Рок головы ищет; Не помочь, коли рок пришел; Рок виноватого (или: обреченного) найдет; Рок как ножом в бок*).

В то же время можно предположить первичность женского персонажа по отношению к мужскому. По мнению исследователей, у славян судьбой управляла богиня Макошь, которая пряла нити судеб и, кроме всего прочего, покровительствовала женским рукоделиям (ср. образ Параскевы-пятницы в христианской концепции). Ей помогали две сестры – Доля и Недоля – небесные пряжи, которые пряли нить жизни каждого человека. Здесь мы видим параллель с античными мойрами и парками. Таким образом, судьба персонализируется как антропоморфный женский персонаж не только в славянском ареале, но и за его пределами, уводя нас, по-видимому, в период индоевропейской общности.

При этом антропоморфизм образа отражен в целом ряде фразеологизмов, в частности в ФЕ (*быть*) *В руках у судьбы*. Рука – это инструментальный орган человека, орудие познания окружающей действительности, причем орудие, отличающее, вычленяющее человека из мира прочих живых существ. Так, по результатам кластер-анализа семантической структуры образной репрезентации лексем В.Ф. Петренко (Петренко 1997: 156) делает вывод о том, что «человеческие руки <...> выступают устойчивым символом присутствия самого человека, наличия активного человеческого начала» (см. семантику образований *указывать, дать указание*, соотносимую с акциональными фреймами концепта «Рука», ср. *указательный палец*, хотя старшее значение слова *палец*, которое сохраняется в большинстве славянских языков, – «большой палец»); ср. также ФЕ *Перст судьбы*. Заметим, что конечности животных у славян получили наименование «лапа» (без дифференциации на задние и передние), то же в литовских диалектах: *lora* – «когтистая лапа», родственно лит. *lapas* – «лист (на ветке)», ср. рус. *лопух, лапа* – «ветвь хвойного дерева» (*еловая лапа*). Таким образом, наименование конечностей животного возникло в результате метафорического переноса по сходству: «лист растения» > «лапа животного», в то время как *рука* – отличительная принадлежность человека, репрезентирующая противопоставление «человек – животные, растения». И в этом ключе ФЕ *В руках у судьбы, Перст судьбы* как репрезентанты антропоморфизации образа судьбы, более чем показательны.

Как следствие, данный факт обнаруживает себя в акциональных фреймах, вербализованных посредством ФЕ *Судьба связывает, Судьба посылает, Судьба вручает, Судьба играет, Судьба забрасывает*, где человек выступает в качестве вещного объекта (например, игрушки), которую можно *взять в руки, бросить, вручить, передать, подарить, отдать, сломать*, что подтверждается семантикой глагольного окружения ключевой лексемы.

В то же время персонифицированный образ судьбы уподоблен человеку не только в отношении внешнего решения, но и в плане внутренних проявлений – эмоциональных: ФЕ *Улыбка судьбы*,

Насмешка судьбы, Гнев судьбы, Обижен судьбой, Судьбой не обижен репрезентируют эмоциональные свойства антропоморфного образа судьбы. Традиционные эпитеты также подтверждают антропоморфизм образа в русской картине мира: *всесильная, неумолимая, несправедливая, неразумная, капризная, добрая, милосердная, жестокая, жестокосердная, самовластная, своевольная, своенравная, слепая, непостоянная*.

Во всех этих представлениях ощутим мифологический след, по-видимому, еще индоевропейский. И фразеология позволяет реконструировать систему древнейших воззрений славян, в частности – восточных славян, что представляет несомненный интерес как для лингвокультурологии, так и для когнитивной семиологии.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Фразеологическое значение в свете фреймовой семантики / Н.Ф. Алефиренко // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. Выпуск № 2 . 2011. С. 11-17.

Алефиренко, Н.Ф., Золотых, Л.Г. Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия языковых единиц): монография. / Н.Ф. Алефиренко, Л.Г. Золотых. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Астрахань: Астраханский университет, 2004. 296 с.

Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари 1996. 416 с.

Маковский, М.М. Удивительный мир слов и значений. Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике / М.М. Маковский. – М.: Высшая школа, 1989. 200 с.

Одинцов, В.В. Лингвистические парадоксы / В.В. Одинцов. – М.: Просвещение, 1988. 172 с.

Петренко, В.Ф. Основы психосемантики / В.Ф. Петренко. – М: МГУ, 1997. 400 с.

Печенкина, О.Ю. Содержание концептов Бог и Судьба в текстах пословиц и поговорок, собранных В.И. Далем: дисс. ...кандидата филолог. наук / О.Ю. Печенкина. – Брянск, 2001. 277 с.

Рыбаков, Б.А. Язычество древних славян / Б.А. Рыбаков. – Москва: Наука, 1981. 406 с.

Седов, В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. / В.В. Седов. – М.: Наука, 1982. 328 с.

Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1997. 838 с.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. III / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. – Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Прогресс, 1987. 832 с.

Шанский, Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская. – М.: Просвещение, 1971. 542 с.

Summary. Linguo-cultural analysis of the Russian language worldview allows to conclude that the mythological concept «Fate» actualizes in the mythical consciousness the image of the creature, the man directing the line of destiny. This meaning is reflected in the stable combination with a key component *fate*. This leading tendency of anthropomorphical image is reflected in a number of idioms. Anthropomorphic images of fate largely determine the peculiarities of the modern concept «Fate».

Key words: linguo-cultural analysis, concept, phraseological unit, anthropomorphism, myth, fate.